УДК 1.17

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-121-128

ЧЕЛОВЕК КАК СУБЪЕКТ АНТРОПОСФЕРЫ: ЦЕЛЕ-ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ ЭКЗИСТЕНЦИИ

Тимофеев А. В.

*Самарский государственный технический университет
443100, г. Самара, ул. Молодогвардейская, д. 244, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются сущностные характеристики экзистенции человека, связанные с созиданием им нематериального достояния через самоопределение и творчество. Самоопределение через свободу формирует мотивационное осознание человека. Порядок же свободы создаётся в соответствии с рядом целе-ценностных показателей. В работе обосновывается диалектическая взаимосвязь цели и ценности: цель проходит опредмечивание, материализацию, объективацию и реификацию через базирование на ценности, которая является «значимой», наделённой символическим смыслом. Человек трактуется как существо мотивированное, а человеческая природа (вне доминирующей поведенческой рефлексии) – как удовлетворяющая не требованиям среды, а проективным, целевым, реакциям на различные импульсы. Делается вывод, что понимаемая таким образом ценностная сфера не может изучаться через посредство формальной логики. Важнейшим условием её конструирования должно стать введение понятия «антропо-ориентированной человекоразмерной ценности».

Ключевые слова: человек, цель, ценность, свобода, воля, аксиология, деонтология

HUMAN AS A SUBJECT OF ANTHROPOSPHERE: GOAL-VALUE ASPECT OF EXISTENCE

A. Timofeyev

*Samara State Technical University,
244, Molodogvardeyskaya st., Samara, 443100, Russian Federation*

Abstract. The article deals with the essential characteristics of human existence associated with the creation of intangible assets through self-determination and creativity. Self-determination through the freedom forms a personal motivational awareness. The order of freedom is created in accordance with a number of goal-value indicators. The author notes the dialectical relation between the goal and the value: the goal goes through objectification, materialization and reification through basing on the value which is «significant», endowed with symbolic meaning. The human is interpreted as someone who is motivated, and the human nature (outside the dominant behavioral reflection) – as satisfying not the requirements of the environment, and projective – purposeful – reactions to various impulses. It is concluded that the value sphere

can't be understood from the standpoint of the formal logic. The most important condition for its construction should be an application of the concept of «anthropo-oriented human value».

Keywords: human, goal, value, freedom, will, axiology, deontology

Сущностное преимущество человека, выходящее за пределы непосредственно органического, кроется в созидании им нематериального достояния через инновационное самоопределение и творчество. Обратимся к Ж.-П. Сартру, который утверждал, что человек изначально «осуждён на свободу». Мотивационное осознание человека проистекает из его «самоопределения через свободу», что упраздняет однобокий взгляд на него как на игрушку судьбы. Судьба выступает совокупностью «могущего состояться с ним и только с ним»¹. Но именно эта самая совокупность в своей приверженности к свободе создаётся самим человеком. Его свобода есть не отвлечённость, а креативный выбор, поэтому выбор, свобода и судьба должны быть исключены друг другом.

Порядок свободы создаётся по капитальным причинам – в соответствии с рядом целе-ценностных и семантических показателей. Именно поэтому общая человеческая родовая история рассматривается как отход от нормального состояния посредством культивирования искусственной созданной среды обитания. Смысл истории состоит в придании смысла тому, что является изначально бессмысленным, а также в возрастающей реализации свободы в продвижении человека от материального к нравственному, от естественного к культурному, от природного к человеческому. Речь идёт о

том, что человек является частью природы в границах своих физико-физиологических компетенций, но он как бы перекрывает её границы в свободном самоутверждении, самовозвышении и творчестве. Истинная человечность определяется символическим типом самореализации в действительности не через приспособление к среде с помощью естественных реакций, но через приспособление среды к себе с помощью разного рода акций [3, с. 253].

В силу того, что в философском толковании полная свобода есть полный произвол, не существует свободы в обязательстве (проблема традиционной моралистики). Как следствие, антропосфера определяет согласованность разума (посредством рычагов различных промышленных технологий: механизации, машинизации, автоматизации, роботизации) и человека (посредством рычагов гуманитарных технологий: права, морали, обычаев, традиций). В таком процессе укрощение «слепых» природных стихий производится в целях выживания природы и человеческого рода. Г. В. Лейбниц указывал, что человеческие помыслы «направлены на то, чтобы сломать, а не построить»². Причём проблема здесь не в некоей изначальной ущербности человечности, не в глобальном разъединении, расколе или разложении нашей человеческой сущности и даже не в судьбоносном противоречии величайших глубин нашего естества

¹ Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. С. 342.

² Лейбниц Г.В. Сочинения. Т. 3. М.: Мысль, 1984. С. 487.

(Ф. Шеллинг). Все заключается в том, что в различные мгновения нашего самоутверждения мы – разные.

Естественным назначением, основным призванием человека является постоянно совершенствующаяся самореализация, которая становится причиной и имеет собственную волю. Воля – это объединяющая функция души, стремящаяся активизировать жизненные ресурсы, направив их на реализацию замыслов, целей, мечтаний и интересов; исполнение самоорганизации деятельности, саморегуляции; осуществление сознательных побуждений, собственных решений; воплощение смысло-мотивационной области; выработку прогрессии поведенческих актов, которые овеществляют внутренне заданные параметры.

Известно, что источником деятельности в животном мире является объективная логика удовлетворения жизненных потребностей, основанная на инстинктивном поведении. Источником же деятельности в мире людей является субъективная логика целе-ценностного, мотивационного поведения, что отвечает символическим потребностям человека. В отличие от животного, человек ищет воплощения внутренних устремлений, достигает совершенства [1, с. 30]. Вегетативная жизнь локализована задачей улучшения повседневной жизни. Невегетативная (строго гуманитарная) жизнь имеет целью отойти от материального, подчинить существование обмирщению идеального.

Внешнее и внутреннее при этом могут расходиться, что, в свою очередь, ведёт к проблемам во взаимодействии человека с миром (природой, самим собой, другими людьми). Потенциальная

конфликтность вырастает из волевого характера деятельности, что ведёт к двусмысленности, многомерности, изменчивости человеческой природы, отличающейся амбивалентностью, разнообразием самостоятельных заявлений. Цели и ценности напрямую зависят от запросов и побуждений. И чем они (цели и ценности) возвышенней, тем больше несоответствие стремлений повседневной жизни тому, что человек может получить и реально получает от окружающих, что даёт ему жизнь. Соответственно, не отвечающий идеалам, диссонирующий с желанным мир выступает для человека объектом преобразований, как бы предорганизуемым концентрацией его воли.

Комбинация понятий «свобода» и «воля», применяемая к человеку, предполагает его понимание как нерелефторно самопроявляющегося существа, демонстрирующего тенденцию к неограниченному расширению самореализации через самосовершенствование. Это также стимулирует трактовку человека как существа мотивированного: человеческая природа (вне доминирующей поведенческой рефлексии) удовлетворяет не требованиям окружающей среды, а проективным, целевым, реакциям на различные импульсы. При этом цель проходит опредмечивание (обмирщение), материализацию, объективацию, реификацию через базирование на ценности, которая является «значимым», наделённым символическим смыслом.

Связь категориальной пары «свобода – воля» с категориальной парой «цель – ценность» ведёт к решению важной концептуальной задачи интенциональных ресурсов: свобода, реали-

зованная через цель, воля и ценность находят определение в намерении и выборе, согласующихся в должествовании, на базе которого конструируется смысловая основа достижения: действительностный смысл не берётся извне, он отвечает потребностям, запросам, интересам человеческой практики. В подобном случае пропадает потребность в учении о судьбе. Человек становится сценаристом собственного бытия, аутентичным, самодетерминруемым творцом своей участи [6, с. 68]. Его доля – в его руках. Таким образом, осуществляется перемещение отражения из плоскости теории в плоскость практическую, указывающую человеку что делать, чего хотеть и для чего жить)¹.

Интересную идею в этом аспекте выдвигает И. Кант: «без людей всё творение было бы пустыней, существующей напрасно и без конечной цели»². Не касаясь аутентичного контекста, можно перспективно истолковать данную кантовскую идею с т. зр. активации человечности: человек генерирует и материализует независимые цели. Как говорил М. Шелер, сконцентрированное самосознание, способность к опредмечиванию составляют «одну единственную неразрывную структуру, которая как таковая свойственна лишь человеку»³. Исходя из такого посыла, обнаруживается возможность соединения естественного и искусственного, природы и культуры. В материализации целей, организации

целемерной рукотворной реальности история воплощает свободу, которая оказывается судьбой. Пределы неорганики, органики, надорганики становятся как бы единой сферой, постоянно порождающей новые устройства и феномены.

Следует также обратить внимание на базовые аристотелевские выражения, связанные с познанием. Стагирит считал подлинно человеческим *noys praktikos* – разумное созидание, в котором можно выделить «делание» как рациональную продукцию вещей и «действие» как акт нравственного выбора. Следовательно, Аристотель различал *poicō* и *pratto*. В границах «делания» он помещал *praxis* – деятельность с целью в себе (с опорой на самодостаточную целевую основу), и *poiesis* (мимесис) – искусство воспроизведения подражания в созидании артистических предметов (жанровый захват характера). Понятно, что в контексте проводимого рассмотрения нас интересует рациональное продуцирование вещей в системе *praxis*, а именно в системе *proairesis* (речь идёт о действиях, совершающихся на основе рационального выбора).

Свобода даёт человеку возможность иметь символический план. Наша воля его прорабатывает до гиперболизации интереса, напряжения усилия, а действие его заверяет в производстве вещественных смыслов. Выработанные и зарекомендовавшие себя технологии седиментируются, т. е. оседают в традиции: традиция при этом выступает в качестве подражания и повторения, а седиментация находит продолжение в культуре, являющейся своего рода поведенческим анамнезисом. Внушение со стороны идеального прошлого насыщает материальное будущее.

¹ Соловьев В. С. Сочинения. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 93.

² Кант И. Сочинения. Т. 5. М.: Мысль, 1994. С. 285.

³ Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. С. 156.

Животворная сила естественно-го отбора эксплуатируется стандартной генеалогической модификацией, определяется согласованием доброкачественных целей с отвлечёнными от них столь же доброкачественными ценностями: отработка мотивационно-волевой модели поведения проверяется традициями практического гуманизма. На фоне опосредования формирующейся гуманитарной традиции и культурного роста идея транспарентности «целей – ценностей» предстаёт действенной в конструировании некоего принципиального представления об определённом принципиальном решении.

На локальном уровне выявляется частичная абстиненция (аболиция) – преднамеренное изъятие целей из ведения ценностей. На общемировом – раскрывается тотальная законная абстиненция: ценности и цели свидетельствуют о рационализме, совершенности разовых актов (поступков, шагов), но не подтверждают рациональность и совершенствование всей деятельности в целом. Поэтому перспективное представление транспарентности «целей – ценностей» требует конкретизации в области эвристического удостоверения нормологии, общей и частной деонтологии [4, с. 15].

Признание согласованности «целей – ценностей» в действии человека является результатом технически обоснованной, но чрезвычайно сильной поисковой техники. Такая техника требует количественной идентификации ссылок на процессы универсализации модели: регуляризации, линеаризации, ординаризации, приводящих разнообразие к единству. И здесь возникает

вопрос: являются ли концептуальные унификации эмпирически адаптивными, поддающимися проверке? Любой эпистемологический опыт основан на необходимости гармонизации теории и эмпирии. Учитывая данный императив, локальная деонтологическая модель соответствия (целей – ценностям) сталкивается с контрпримерами. Так, индивид и государство действуют несовершенно: первый – неискренне (лицемерность); второе – корыстно (по потребностям не граждан, а институтов). Государство само по себе предоставляет свободу мысли, но не действия. Следовательно, дар милосердия, любви, добродетели используется не по назначению.

Расхождение целей и ценностей в межсубъектной коммуникации и взаимодействиях влечёт сбой и неудачи аксиологической сферы во всё более широкой деятельности и в своём кульминационном проявлении порождает, например, маккиавелизм, характеризующийся полным отсутствием соответствия поведенческих факторов с практическим гуманизмом. Современные девиации по поводу ценностных универсалий, как, впрочем, и абсолютизм целевых установок, порождают тоталитаризм, бюрократизм, эстетизм, сциентизм, экономизм, политизм, консьюмеризм, дидактизм. Получается, что локальная деонтология может сложиться и состояться посредством рационализации, целевой и ценностной унификации «конкретных действий».

Переходя на тотальный деонтологический уровень, вспомним слова С. Л. Франка: «философия должна быть обновлена сближением её с жизнью, – не с жизнью текущей внешней,

чувственной, – что есть для неё всегда падение, а с глубочайшей и вечной основой жизни...»¹. Речь здесь идёт не о жизни (атеоретичной, неординарной, несистемной), но о «глубочайшей и вечной» её основе, о некоем процессе создания фундамента жизни. В рамках данного проекта такие ценности как неуниверсальность, неаподиктичность, неномологичность подрывают саму идею регулятивности. Они состоят из слабой, неадекватной, несовершенной ментальной конструкции возможного как должного, относительного как абсолютного [5, с. 11]. Поэтому вполне успешно решая конкретные задачи по регулированию определённых действий, локальная нормология оказывается не в состоянии осуществить сходные функции в случае с решением надситуационных задач, затрагивающих регулирование родовой деятельности в целом.

Теория родовых ценностных универсалий основана на той фундаментальной предпосылке, что жизнь подчиняется преследованию не собственной и даже не групповой, но общечеловеческой цели. В данном случае единственно рациональным является переход от необозримой ценности к обозримой цели. Создаваемое в нашем акте антропное бытие – это бытие целепорождённое и ценностно-воплощённое [2, с. 10]. Это также бытие смыслоприемлющее, т. к. создаётся по человеческим проектам необходимого, желаемого, и смыслодающее, поскольку используется в со-

ответствии с человеческими ценностными ориентациями и соответствует социокультурным понятиям жизненной состоятельности.

Все социокультурные этапы, ступени, эпохи обеспечивают конкретную интерпретацию ценностей в форме регулярных постановлений, интенций на желательное, допустимое, приемлемое, правомерное, запрещённое, разрешённое, обязательное. Последнее (с помощью нормирующего поля санкций, диспозиций, условий действия) даёт возможность поддерживать в социальной среде равновесие, упорядочивать и гуманизировать взаимодействие.

Ценностная сфера не изучается и не выражается через посредство формальной логики. Деятельностное «волшебство» ценностей – это очарованность тем, «что душу волнует, что сердце томит», происходит от практической силы, обстоятельности высоких адаптированных целей, экстрагируемых линией благополучия жизни при ориентировке на высокие образы, гуманитарно обусловленные стандарты самоутверждения. Следовательно, мотивированная и мотивирующая деонтология становится возможной при помощи эвристической эксплуатации одного лишь понятия – понятия «антропоориентированной человекоразмерной ценности».

*Статья поступила
в редакцию 07.11.2019*

ЛИТЕРАТУРА

1. Гурьянова А. В., Филатова Н. В. Диалектика прекрасного и безобразного как способ бытия человека в культуре // Научное мнение. 2018. № 3. С. 28–31.

¹ Франк С. Л. Кризис современной философии // Русская мысль. 1916. № 9. С. 40.

2. Гурьянова А. В., Фролов В. А. Духовность как феномен бытия человека // Духовно-нравственное воспитание. 2018. № 6. С. 6–11.
3. Ильин В. В. Теория познания. Символика. Теория символических форм. М.: Издательство МГУ, 2013. 384 с.
4. Ильин В. В., Тимофеев А. В., Хайруллин А. Г. Деонтологический нормативизм: проблема обоснования в теодицее и антроподицее (статья 2) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2017. № 1. С. 7–17.
5. Ильин В. В., Тимофеев А. В., Хайруллин А. Г., Калинин А. А. Деонтологический нормативизм: проблема обоснования в теодицее и антроподицее (статья 1) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2016. № 3. С. 5–14.
6. Маховиков А. Е. «Человек – личность» как мировоззренческий проект в основании техногенной цивилизации Запада // Ценности и смыслы. 2016. № 1 (41). С. 63–71.

REFERENCES

1. Guryanova A. V., Filatova N. V. [The dialectic of beauty and ugliness as a way of being human in culture]. In: *Nauchnoe mnenie* [Scientific Opinion], 2018, no. 3, pp. 28–31.
2. Guryanova A. V., Frolov V. A. [Spirituality as a Phenomenon of Human Existence]. In: *Dukhovno-nravstvennoe vospitanie* [Spiritual and Moral Education], 2018, no. 6, pp. 6–11.
3. Ilyin V. V. *Teoriya poznaniya. Simvologiya. Teoriya simvolicheskikh form* [The Theory of Knowledge. Symbolology. The Theory of Symbolic Forms]. Moscow, Moscow State University Publ., 2013. 384 p.
4. Ilyin V. V., Timofeyev A. V., Khairullin A. G. [Deontological overly regulated: the problem of justifying the theodicy and anthropogenie (article 2)]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2017, no. 1, pp. 7–17.
5. Ilyin V. V., Timofeyev A. V., Khairullin A. G., Kalinin A. A. [Deontological overly regulated: the problem of justifying the theodicy and anthropogenie (article 1)]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Journal of Tver State University. Series: Philosophy], 2016, no. 3, pp. 5–14.
6. Makhovikov A. E. [«Human – person» as an ideological project at the basis of industrial civilization of the West]. In: *Tsennosti i smysly* [Values and Meanings], 2016, no. 1 (41), pp. 63–71.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тимофеев Александр Вадимович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры информационных развивающих образовательных систем и технологий Самарского государственного технического университета;
e-mail: timofeev_av@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander V. Timofeyev – PhD in Education, associate professor at the Department of Information Developing Educational Systems and Technologies, Samara State Technical University;
e-mail: timofeev_av@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Тимофеев А. В. Человек как субъект антропосферы: целе-ценностный аспект экзистенции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 4. С. 121–128.

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-121-128

FOR CITATION

Timofeyev A. V. Human as a Subject of Anthroposphere: Goal-Value Aspect of Existence. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no. 4, pp. 121–128.

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-121-128